

EPISCOPUS BONUS: ЭПИСТОЛЯРНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА У СИДОНИЯ АПОЛЛИНАРИЯ**Э.М. МАНУКЯН***Ивановский государственный университет**e-mail: manukyan_33@mail.ru*

В настоящей статье рассматривается образ идеального епископа в представлении Сидония Аполлинария (430 – ок. 490 гг.), галло-римского аристократа и епископа V столетия. Исследование проводится на базе его обширного эпистолярного наследия. Особый акцент ставится на соотношении в образе аристократических и аскетических характеристик. Автор приходит к выводам, что трансформация литературного образа епископа в эпоху Поздней Античности являлась непосредственным следствием сложного и многоликого процесса усиления епископата и обоюдной интеграции традиционной римской и христианской культурных парадигм.

Ключевые слова: позднеантичная Галлия, галло-римская аристократия, Церковь, епископат, монашество, аристократизм и аскетизм, Сидоний Аполлинарий, эпистолография, мировоззрение, образ идеального епископа.

*Имя высокое знатность его вела от начала,
В Риме род таковой в сонм бы сенатский вступил...
Вышняя царей любовь, столп отчизны, отцов зашитоенье,
Покровитель друзей, града и граждан краса,
Храмов зиждитель святых, неумиющим даятель безмолвный,
Странноприимец благой, снεδью даящий гостей...
Он царей умирал, ободрял граждан управленьем;
Радость людская, увы! Днем унеслася одним.*

(Венанций Фортунат.
Эпитафия Леонтию второму,
епископу Бордо¹)

Постепенное развитие Церкви и церковной организации в эпоху Поздней Античности, во многом усиленное религиозными реформами равноапостольного императора Константина, а затем и решающими эдиктами его не менее великого последователя Феодосия, и, как следствие этого, подъем Церкви Христовой в IV-V вв., сопровождались параллельным усилением статуса и роли епископского сана в римском обществе. При этом ослабление светских политико-административных структур в V в. могло только способствовать тренду на престиж церковных чинов, ибо в это время обнаруживается активная интеграция римской аристократии в кадровый состав высшего духовенства, которая приносила в церковно-христианскую жизнь и идеологию многие элементы, присущие ее элитарной культуре.

В то же время, мы видим, как монашеское движение, еще недавно зародившееся в колыбели египетских пустынь, с непостижимой скоростью движется с Востока на Запад, дабы там быть воспетым такими подвижниками идеологии *imitatio Christi*, как Иоанн Кассиан и Евхерий Лионский². Идея монашеского созерцания овладела умами не только простолюдинов, но и нобилитета. По словам выдающегося исследователя Поздней Античности А. Х. М. Джоунса, «пустынники, монахи и монахини выходили из всех слоев общества: от высших до самых низших»³. Большинство таких монахов потом возвращалось в мир, чтобы занять епископский престол, оставаясь при этом монахами и продолжая вести аскетический образ жизни.

¹ Венанций Фортунат. Избранные стихотворения / пер. с лат., вступ. стат. и коммент. Р. Л. Шмаракова. М., 2009. С. 92-93.

² См. об этом: Cristiani L. *Lérins et ses fondateurs*. Saint-Wandrille, 1946; Pricoco S. *L'isola dei santi. Il cenobio di Lerino e le origini del monachesimo gallico*. Roma, 1978; Chadwick O. *John Cassian*. Cambridge, 1968; Stewart C. *Cassian the Monk*. Oxford, 1998; Фокин А. Р. Преподобный Иоанн Кассиан // Арелатские проповедники V-VI вв. М., 2004. С. 330-362; Etaix R. *Eucher de Lyon* // *Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastiques*. vol. XV. 1968. Col. 1315-1317; Зайцев Д. В. Евхерий // *Православная энциклопедия*. Т. 17. 2008. С. 696-698.

³ Jones A. H. M. *The Later Roman Empire A.D. 284-602: a Social, Economic and Administrative Survey*. Vol. II. Oxford, 1964. P. 931.

Именно в этих условиях, как справедливо говорят исследователи, происходит изменение роли, статуса и самой природы епископского сана в позднеантичном обществе; фигура епископа становится ключевой для культурной, экономической и общественно-политической жизни⁴. Со времен апостольских епископ представлялся как праведный и рачительный блюститель общины с основными функциями распределения материальных благ (ἐπίσκοπος – букв. с греч.: «блюститель»). Заданная модель, вскормленная *Первым Посланием Тимофею* и *Дидахе*, позже постоянно корректируется сначала с «узурпированием» епископами власти и над духовной пищей (II в.), потом и над всей общиной⁵. Эта упрощенная нами эволюция замечательно отражается в различных исторических источниках эпохи, начиная с памятников агиографии и заканчивая историями, и выражается, прежде всего, в трансформации самого образа *episcopus bonus* – идеального епископа, который в эпоху Поздней Античности более или менее успешно впитывал в себя порой трудно совместимые качества и характеристики: *аристократические* и *аскетические*. Подобные люди, сочетающие в себе, в той или иной мере, способности как духовных лидеров, так и светских руководителей, становились отличными епископами для своих общин.

Но здесь же у современников возникал один существенный вопрос: какие из этих характеристик все-таки должны преобладать у идеального епископа? В текстах историк сможет найти вполне различные по своей комбинации и иерархии ценностей образы. Между тем, специфика литературного моделирования образа епископа напрямую зависела от региональных реалий и мировоззрения конкретного автора.

В этой статье, на примере писем галло-римского аристократа-епископа Сидония Аполлинария (430 – ок. 490)⁶, мы хотим показать, как в мировоззрении людей того времени, прежде всего, представлявших элиту общества, конструировался многосоставный образ христианского епископа, будучи следствием сложного процесса, происходившего в западном мире в эпоху Поздней Античности.

Галльский регион интересен, прежде всего, тем, что тенденции, имевшие здесь место, значительно отличались по характеру от идентичных процессов в других регионах *Rex Romana*. Во-первых, галльский епископат к V в. почти полностью состоял из членов клановой галло-римской аристократии⁷; во-вторых, и галльское монашество подпитывалось во многом за счет представителей местного нобилитета, лучшие из которых позже становились епископами. По словам профессора У. Е. Клингширна, «такое решение поменять отечество на монастырь не было в V в. уникальным среди христиан-аристократов Северной и Центральной Галлии»⁸. Впрочем, это совсем не значило, что все епископы Галлии были из монахов.

⁴ Rapp C. Holy Bishops in Late Antiquity: the Nature of Christian Leadership in an Age of Transition. Berkeley, 2005. P. 16-23; Maxwell J. Education, Humility and Choosing Ideal Bishops in Late Antiquity // *Episcopal Elections in Late Antiquity* / Ed. by Johan Leemans, Peter Van Nuffelen, Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, Berlin/Boston, 2011. P. 462-463.

⁵ См. об этом: Лебедев А.П. Духовенство древней Вселенской Церкви от времен апостольских до X века. СПб., 1997. С. 49-63; 108-156; Jay E.G. From Presbyter-Bishops to Bishops and Presbyters // *J ECS*. 1993. Vol. I. № 3. P. 125-162; Rebillard E., Sotinel C., éd. *L'évêque dans la cité du IVe au Ve siècle: Image et autorité*. Rome, 1998; Sullivan F. A. From Apostles to Bishops. The Development of the Episcopacy in the Early Church. New York, 2001.

⁶ См. о нем: Епеевский С. В. Аполлинарий Сидоний: Эпизод из литературной и политической истории Галлии V в. Собр. соч. в 3-х т. М., 1870. Т. 3; Карсавин Л. П. Из истории духовной культуры падающей римской империи (Политические взгляды Сидония Аполлинария). СПб., 1908; Буяров Д. В. Мировоззрение и сочинения Сидония Аполлинария в контексте позднеантичной культуры. Благовещенск, 2009; Литовченко Е. В. К образу Аполлинария Сидония: человек поздней Античности // *Научные ведомости БелГУ*. 2007. № 3 (34) С. 30-39; Шкаренков П. П. Образ идеального императора в панегириках Сидония Аполлинария // *Школа теоретической поэтики. Сборник научных трудов к 70-летию Натана Давидовича Тамарченко*. С. 259-268; он же. На перекрестке эпох: репрезентация варварских правителей в сочинениях Сидония Аполлинария // *Цивилизация и варварство*. 2013. № 2. С. 152-180; Stevens E. Sidonius Apollinaris and his Age. Oxford, 1933; Loyer A. Sidoine Apollinaire et l'esprit précieux en Gaule aux derniers jours de l'empire. Paris, 1943; Rousseau Ph. In Search of Sidonius the Bishop // *Historia*. 1976. № 25 P. 356-377; Harries J. A. Sidonius Apollinaris and the Fall of Rome, AD 407-485. New York, 1994; Gotoh A. The Consecration of Sidonius Apollinaris // *Studia Patristica*. 1997. № 29. P. 40-45; Le Guillou J. Sidoine Apollinaire: L'Auvergne et son temps. Aurillac, 2001; Mascioli P. Un nobile galloromano: Apollinare il Vecchio // *Annali della Facoltà di lettere e filosofia dell'Università di Bari*. 2002. № 45. P. 3-16; Grzywaczewski J. La culture romaine en Gaule au Ve siècle d'après Sidoine Apollinaire // *Annales*. 2007. № 10 P. 116-138; Waarden van J. Sidonius Apollinaire, poeta e vescovo // *Vetere Christianorum*. 2011. № 48. P. 99-113; Waarden van J., Kelly G. (eds.). *New Approaches to Sidonius Apollinaris*. Leuven, 2013.

⁷ Gassman P. *Der Episcopat in Gallien im 5. Jahrhundert*: Diss. Bonn, 1977. S. 64-67.

⁸ Klingshirn W. E. *Caesarius of Arles: The Making of a Christian Community in Late Antique Gaul*. Cambridge, 2004. P. 20.

Классический пример – Сидоний Аполлинарий, бывший до своего посвящения в сан политиком (занимал пост *praefectus Urbis* ок. 468 г.), светским литератором и панегиристом сменяющих друг друга императоров, одному из которых он даже приходился зятем (речь об императоре Авите /455-456/). Ок. 471 г. он становится епископом небольшого города Клермон, что в Оверни (в провинции Аквитании Первой)⁹. Происходя из благородной христианской семьи¹⁰, он впитал в себя как христианские, так и традиционалистские элементы, что делает сочинения этого человека только интереснее и богаче для исследователей. Почти все адресаты писем Сидония, собранных в 9 книгах, являются его соотечественниками и аристократами, треть из которых – это епископы галльских церквей. Его сохранившиеся произведения – это, по сути, «панегирик» всей галло-римской аристократии, пытавшейся выполнять свои привычные занятия и функции в тяжелых условиях общего кризиса и вторжения варваров. Активная переписка римской элиты замечательно показывает стремление к сплочению ее представителей на фоне самых тяжелых обстоятельств¹¹. И некоторые из них старались держаться вместе уже в новой роли – представителей клира¹².

Специфика эпистолярного жанра в античности заключается в том, что он породил такое явление, как «открытое письмо», т.е. письмо, предназначенное не только для прочтения его адресатом, но и другими людьми¹³, возможно, определенного круга. В дальнейшем такое письмо могло публиковаться¹⁴. Послания Сидония были обращены к галльской аристократии и несли в себе определенную цель. Это предельно важно в контексте нашего понимания образа идеального епископа в его эпистолярной репрезентации.

«PATER PATRUM, EPISCOPUS EPISCOPORUM». ЕПИСКОП КАК ЦЕРКОВНЫЙ СЛУЖИТЕЛЬ

Примечательно, что образ епископа, конструируемый Сидонием, основан на характеристике реальных людей, к которым он относился с самым глубоким почтением. С другой стороны, он вполне мог наделять людей какими-либо особыми качествами, даже если таковыми они и не обладали в полной мере¹⁵, что и делает этот образ идеальным. Первое письмо т.н. «серии епископских посланий» адресовано одному из самых авторитетных и старейших иерархов Галлии – епископу города Труа Лупу (383-479)¹⁶, его давнему другу. По сути, это письмо представляет собой ответ на поздравления по поводу рукоположения Сидония¹⁷.

Весь текст послания строится на основе образной антитезы: новоиспеченный епископ Сидоний противопоставляет себя, «недостойнейшего из смертных», не заслуживающего священного сана грешника – Лупу, «образцу нравственности» и «столпу всех добродетелей». Луп Труасский предстает перед нами в образе главного блюстителя церковного порядка своего времени, советчика и утешителя для всех христиан: «Благословен Дух Святой и Отец Бога Всемогущего, что ты, отец отцов, епископ епископов и второй Иаков

⁹ Обстоятельства его избрания неизвестны. Скорее всего, он был избран по обоюдной воле населения Оверни и духовенства как наиболее влиятельный аристократ в южной и центральной Галлии.

¹⁰ Дед, а затем и отец Сидония были префектами Галлии. Дед же Сидония первым из членов его семьи принял христианское вероисповедание (Sidonius Apollinaris. Ep. I.3; V.9.). Таким образом, Сидоний был христианином в третьем поколении.

¹¹ Литовченко Е. В. Письма Сидония как образцы эпистолярного жанра в позднеримской литературе // CURSOR MUNDI: человек Античности, Средневековья и Возрождения. Иваново, 2014. Вып. 6. С. 8.

¹² Mathisen R.W. The Ideology of Monastic and Aristocratic Community in Late Roman Gaul // POLIS. 1994. №6. P. 203-205.

¹³ От редакции // Античная эпистолиграфия. М., 1967. С. 3.

¹⁴ См. подр. об античной эпистолиграфии: Античная эпистолиграфия ... ; Альбрехт М. фон. История римской литературы в 3 томах. М., 2005. Т. 1. С. 561-568; Т. 2. С. 1248-1261; Т. 3. С. 1566-1580; Ebbeler J.V. Pedants in the apparel of heroes? Cultures of Latin letter-writing from Cicero to Ennodius. Ph.D. diss., University of Pennsylvania, 2001.

¹⁵ Буяров Д. В. Христианский уровень в мировоззрении Сидония Аполлинария // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 1. С. 24.

¹⁶ См. о нем: Krusch B. Vita sancti Lupi episcopi Trecentensis // Vita sancti Lupi episcopi Trecentensis // MGH. S. rer. Merov. T. III. Hannover, 1896. S. 117-120; Mathisen R.W. Lupus // PLRE II: Suggested Addenda and Corrigenda // Historia. 1982. № 31. P. 377-378; Mathisen R. W. Hilarius, Germanus, and Lupus: The Aristocratic Background of the Chelidonius Affair // Phoenix. 1997. №33. P. 160-169; Kaufmann F. Lupus // Studien zu Sidonius Apollinaris. Frankfurt am Main, 1995. S. 321-322.

¹⁷ См. об этом: Манукян Э. М. Переписка Сидония Аполлинария и Лупа Труасского // CURSOR MUNDI: человек Античности, Средневековья и Возрождения. Иваново, 2014. Вып. 6. С. 17-23.

своего века, наблюдаешь с некой дозорной башни любви, не уступающей Иерусалиму, за всеми членами Церкви Бога нашего, что ты достоин утешить всех слабых и заслуженно быть для всех советчиком»¹⁸. Как видно из приведенного отрывка, задействуя слова Псевдо-Климента из его послания к сщмч. Иакову Иерусалимскому (*episcopus episcoporum*)¹⁹, автор приравнивает своего почтенного адресата к самому «брату Господнему», апостолу от 70 и первому епископу Иерусалима. Чтобы со всей очевидностью провести эту параллель, Сидоний прямо говорит далее: «*et alter saeculi tui Iacobus*». Дабы гиперболизировать данное сравнение и подчеркнуть роль галльской церкви и ее лидера, автор вводит в оборот метафору «дозорной башни (*specula*) в Иерусалиме», т.е. горы Сион, – метафору, которая была развита африканской экзегетической традицией²⁰ и, по всей вероятности, оттуда и транслировалась в галльский регион.

Луп – наследник апостолов; Сидоний называет апостола Петра «сподвижником» (*collega*) Лупа, в то же время, сравнивая себя «грешника» с новозаветным прокаженным (Лк. 5:12.)²¹. Он превращается в истинного первосвященника Христовой Церкви, авторитет которого безоговорочен: «...вне сомнения, ты первый из всех понтификов во всем окружающем мире... сонмища сподвижников признают твое первенство и даже трепещут от твоей строгости»²².

Сидоний также вспоминает о духовной брани монаха Лупа в Леринской обители²³, куда он убежал, отрекшись от светской аристократической жизни, говоря об этом его жизненном периоде как о «суровых караулах Леринской службы»²⁴. Вообще, образ епископа Лупа как воина Христова достаточно развит в тексте. В частности, применительно к нему употребляются такие термины, как *primipilaris*²⁵, *dux*²⁶, *tubicen*²⁷. Вот, к примеру, «батальная сцена» с участием нашего героя на передовой: «Ты, опытный полководец, сумел, как передают, собрать пораженных из вражеских рядов и, словно искуснейший горнист, протрубить отступление от грехов к Христу»²⁸. На самом деле под этими ратными подвигами Сидоний подразумевает успешную борьбу епископа Труа с пелагианской ересью в Британии²⁹, куда он в свое время отправился вместе с Германом Осерским (ок. 429 г.)³⁰.

Довольно интересен образ епископа-пастыря, который лучше всего выражен в аллюзии на притчу о пастухе из *Евангелия от Луки* (15:4-7): «подобно евангельскому пастырю ты больше радуешься, если они [паства Лупа] оставляют отчаяние, нежели, если бы они всегда оставались невредимыми»³¹.

Но все-таки ключевым для данного текста является образ епископа-ходатая и посредника (*intercessor*) между паствой и Господом. Не случайно в этой канве автор приводит распространенный в христианской традиции топос «епископ-Моисей», уходящий своими корнями к *Апостольским постановлениям* (Кн. 2, гл. 30): «Но если ты, как Моисей, скорее младший, нежели меньший, – говори Сидоний, – станешь ходатаем за массу моих злодеяний между мной и Господом нашим, с Которым ты несешь один крест, то не будем мы более погружаться живыми в преисподнюю и, воспламененные побуждениями плотских пороков, не станем впредь возжигать чужой огонь на алтаре Господа; ...мы бу-

¹⁸ Sidonius Apollinaris. Ep. VI. 1. 1 // Gai Sollii Apollinaris Sidonii Epistulae et Carmina / Rec. Chr. Luetjohann // MGH AA Bd. 8. Berlin, 1887. 484 s.

¹⁹ Clemens Romanus. Epistola ad Jacobum // Patrologiae cursus completus. Series Graeca / Ed. J.-P. Migne. P., 1857. T. 2. Col. 32–33.

²⁰ Даниэлю Ж. Истоки латинского христианства. Париж, 1978. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/History_Church/Danielou/_01.php

²¹ Sidonius Apollinaris. Ep. VI. 1. 2.

²² Sidonius Apollinaris. Ep. VI. 1. 3.

²³ Леринский монастырь – древнейшая и знаменитейшая христианская обитель Галлии; был основан ок. 410 г. св. Гоноратом на одном из Леринских островов (совр. Saint Honorat), расположенных в 3 км от современного города Канны (Франция). Св. Луп, увлеченный славой св. Гонората, подвизался в монастыре ок. 425 г.

²⁴ Sidonius Apollinaris. Ep. VI. 1. 3.

²⁵ Ibid.

²⁶ Sidonius Apollinaris. Ep. VI. 1. 4.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid.

²⁹ Grégoire J. F., Collombet F. Z. Œuvres de C. Sollis Apollinaris Sidonius. Paris, 1836. T. I. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://remacle.org/bloodwolf/historiens/sidone/index.htm>

³⁰ Сообщения об этой миссии содержатся в хронике Проспера Аквитанского (429. 1301) и в житие св. Германа Осерского, написанном Констанцием Лионским (3. 12–16), священником и другом Сидония.

³¹ Sidonius Apollinaris. Ep. VI. 1. 4.

дем изрядно и вдосталь радоваться, если по молитве твоей мы сможем укрепить нашего внутреннего человека, даже если и не невредимую душу для воздаяния, то, по крайней мере, исцелённую для прощения»³². Это последние слова послания, но их смысл – центральный. По сути, и само это письмо является водораздельным во всем девятикнижии, ибо событие, послужившее для него поводом, ввело Сидония в новую жизнь с абсолютно другой ролью – епископа. И не случайно он изображает своего знаменитого коллегу, ставя акцент на его миссии заступника и ходатая человека перед Богом: новоиспеченный и совсем неопытный клирик выражает надежду, что епископ Луп поддержит его как друга и посредством своей молитвы попросит прощения за его грехи и прежнюю жизнь, якобы не совместимую с его теперешним положением.

«NON EPISCOPUS, SED POTIUS ABBAS». ИНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА

Трудно говорить о степени искренности некоторых положений из послания, но то, что Луп покажется читателю идеальным епископом, – неоспоримо. Но посмотрим, как Сидоний будет применять данную схему на практике. Спустя некоторое время после хиротонии ему предстояло пройти настоящее «боевое крещение» в Бурже, где коллегия епископов, в состав которой входил и Сидоний, должна была избрать нового митрополита³³. Выбор пал на мирянина Симплиция – местного магистрата из влиятельной аристократической семьи³⁴. Свою соборную речь (*Contio*) Сидоний включил в письмо епископу Лиона Перпетую³⁵. Благодаря этому, мы можем увидеть, на какие аргументы опирался Сидоний, отстаивая своего кандидата на предстоящих выборах епископа.

Итак, уже в вводной части своей речи, где Сидоний дает пояснения, почему он выбирает кандидата из вполне определенного слоя, мы встречаем такую любопытную фразу: «Если я провозглашу кого-нибудь из монахов, то будь он подобен Павлам, Антониям, Иларионам и Макариям, имей он преимущества усердного анахоретства, неблагодарные ничтожества тут же прозвелят мне уши нестройным ропотом, растерзают их шумом и жалобами: "этот избранник, проворчат они, надлежит для звания не епископа, но аббата: ему лучше ходатайствовать за души пред небесным судьей, чем за тела, пред земным..."»³⁶. Не стоит питать иллюзий, что позиция Сидония здесь сильно расходится с мнением этих, как он выразился, «неблагодарных ничтожеств». Далее мы еще не раз убедимся, что сей пассаж задал определенный вектор для всей декламации.

Рекомендацию своего протеже Сидоний начинает с акцента на знатном происхождении Симплиция, предки которого занимали как светские, так и духовные должности³⁷. Затем он заостряет внимание на некоторых способностях кандидата, в частности, на таких, как опыт административного управления, поскольку Симплиций занимал достаточно высокий чин в городе³⁸; как наличие политико-дипломатической практики, поскольку тот принимал участие в посольских миссиях к «королям, одетым в шкуры» и «принцепсам, облаченным в пурпур»³⁹; как финансовая состоятельность кандидата, воплощенная в постройке им храма в Бурже⁴⁰, по сравнению с которой грандиозные архитектурные деяния царя Соломона просто меркнут (разумеется, не без помощи искусного риторика)⁴¹. Сидоний также апеллирует к классической образованности Симплиция, назы-

³² Sidonius Apollinaris. Ep. VI. 1. 6.

³³ См. об этом: Waarden van J. Episcopal Self-Presentation: Sidonius Apollinaris and the Episcopal Election in Bourges AD 470 // *Episcopal Elections in Late Antiquity* / Edited by Johan Leemans, Peter Van Nuffelen, Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, Berlin/Boston, 2011. P. 555-561; Манукян Э.М. К вопросу о выборе епископа в Галлии V века: критерии, мотивации, цели (на примере выборов в Бурже ок. 471 г.) // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Тезисы докладов XXXIII всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения». СПб., 2014. С. 333-339.

³⁴ В одном из писем Сидоний называет Симплиция *vir spectabilis* (Sidonius Apollinaris. Ep. VII. 8. 2.).

³⁵ Sidonius Apollinaris. Ep. VII. 9.

³⁶ Sidonius Apollinaris. Ep. VII. 9. 9.

³⁷ Sidonius Apollinaris. Ep. VII. 9. 16-18.

³⁸ Ibid.

³⁹ Sidonius Apollinaris. Ep. VII. 9. 19.

⁴⁰ Храмы и монастыри, построенные епископами в пределах их *civitates*, выполняли важнейшую функцию репрезентации их власти и финансовой состоятельности (Омельченко Д. М. Цезарий Арелатский и его «Завещание» // *CURSOR MUNDI. Человек Античности, Средневековья, Возрождения*. Иваново, 2009. № 2. С. 209); см. подр.: Усков Н. Ф. Монастыри в городе // *Город в средневековой цивилизации Западной Европы*. Т. 1: Феномен средневекового урбанизма. М., 1999.

⁴¹ Sidonius Apollinaris. Ep. VII. 9. 21-22.

вая его ученым человеком⁴²; при этом, говоря о его религиозных началах, он ограничивается поговоркой: «вся наука из родного дома»⁴³; но все же, он не мог не отметить и его пастырские способности, еще в мирской жизни выраженные в каритативной деятельности⁴⁴. Качества, присущие любому *christianus bonus*, тоже не опускаются Сидонием: он говорит о смирении, доброте, дружелюбности и честности Симплиция.

Список характеристик внушительен, но при этом мы мало что сможем найти схожего в образе Симплиция с образом Лупа. Здесь мы видим епископа «светской ориентации». Как бы Сидоний не пытался сделать акцент на присутствие в Симплиции благодати Божьей или даже на чуде, случившемся с ним по воле свыше (*divinitus*)⁴⁵, Симплиций более напоминает самого Сидония, нежели епископа-монаха Лупа (держа в уме цитату о монахах). Возможно, мы более приблизимся к истине, если ознакомимся с еще одним посланием.

«ОН НАПОМНИЛ НАМ ЛУПА»

В письме к своему другу Сульпицию, которое, как и два предыдущих, можно датировать примерно 471 г., Сидоний хвалит его сына Гимерия, молодого священника, прибывшего в Лион из Труа, где состоял учеником у самого Лупа⁴⁶. Весь текст – это характеристика Гимерия как священника. Гимерий – мудрый советник для своей паствы, который вне зависимости от собеседника всегда искренен и честен. Он высоконравственен, христолюбив и скромнен: «весь замысел своих свершений... [он направляет] ко Христу»⁴⁷; «за столом, в дороге, на совете он уступает своим подчиненным; тем самым сделалось так, что сонм высших с удовольствием ставит себя ниже его»⁴⁸; «в церкви он соблюдает простоту голубя, в обществе – мудрость змея»⁴⁹. Выясняется к тому же то, что Гимерий ведет довольно аскетический образ жизни: «Посты его радуют, пища же утешает; первому привержен он из-за обычая креста, ко второму его склоняют, проявляя любовь: в конце концов, и то, и другое у него под контролем, ибо он обуздывает жажду чрева, определив сколько раз ему вкушать, и бахвальство, определив, сколько раз следует воздерживаться»⁵⁰. Присмотримся к тому, как автор говорит о его религиозной образованности: «Главное же для этого человека – это забота об образовании, но в высшей степени религиозном, где сущность смыслов занимает его более, нежели пена словесности»⁵¹. И это говорит такой знаток и ценитель классической литературы как Сидоний! Теперь вспомним, насколько мы осведомлены на этот счет относительно Симплиция. Вполне очевидно, что образ священника Гимерия у Сидония удивительно соотносится с образом епископа Лупа. Моральный облик, приверженность аскетизму, религиозная компетентность, церковно-пастырская ориентация деятельности прослеживается в создании как того, так и этого портрета. Сомнения исчезнут, когда мы прочитаем признание самого Сидония: «подражанием нравам он напомнил нам святого епископа Лупа, несомненно, первого из всех галльских понтификов»⁵².

Но попробуем обратить внимание именно на то, что мы не сможем найти в предложенных Сидонием образах Лупа и Гимерия – это упоминаний о светской миссии церковнослужителя. Здесь и кроется кардинальное отличие образа Лупа от образа Симплиция. Наличие и отсутствие данной установки становится основообразующей для остальных характеристик образа.

⁴² Sidonius Apollinaris. Ep. VII. 9. 18-19.

⁴³ Sidonius Apollinaris. Ep. VII. 9. 19-20.

⁴⁴ Sidonius Apollinaris. Ep. VII. 9. 19. Каритативная деятельность являлась замечательным выражением христианского милосердия, любви, а также авторитета и материальных ресурсов епископа; см. об этом: Тюленев В. М. Выкуп пленных в контексте становления христианского общества в Западной Европе V – начала VI века // Исторический журнал: научные исследования. 2012. №1 (7). С. 84-91; Klingshirn W. E. Charity and Power: Caesarius of Arles and the Ransoming of captives in Sub-Roman Gaul // Journal of Roman Studies. 1985. Vol. 75. P. 183-203.

⁴⁵ Sidonius Apollinaris. Ep. VII. 9. 20.

⁴⁶ Sidonius Apollinaris. Ep. VII. 13.

⁴⁷ Sidonius Apollinaris. Ep. VII. 13. 3.

⁴⁸ Sidonius Apollinaris. Ep. VII. 13. 4.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Sidonius Apollinaris. Ep. VII. 13. 2.

⁵² Sidonius Apollinaris. Ep. VII. 13. 1.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Репрезентацией такого идеального образа епископа в послании Лупу Сидоний, на наш взгляд, пытался решить вполне конкретную задачу: продемонстрировать ставшее уже давно «традиционным» для христианства определенное понимание сущности епископского сана (епископ как пастырь и церковный служитель), и, возможно, тем самым, оправдать свое присутствие в клире. На соборе в Бурже Сидоний, уже отталкиваясь от политических реалий своего времени, «дополняет» нам это понимание, предлагая некую «новую модель» епископа, в рамках которой епископ должен выполнять еще и функции светского руководителя (если не в первую очередь). Сидоний транслирует нормы аристократической культуры в клир и в сам образ *episcopus bonus*. Но это совсем не означает, что Луп для Сидония не хорош как епископ или аристократ. Если христианство и доминировало в пространстве центральной и южной Галлии, то это доминирование ко второй половине V века имело сугубо урбанистический характер⁵³. Городские общины почти полностью были тождественны общинам церковным. Потому и церковный порядок невозможен без общественного, и более эффективного епископом в условиях тотального кризиса, согласно Сидонию, будет тот, кто до этого имел опыт государственной службы, а не отречения от реального мира, тогда как следование аскетическому образу жизни было бы более приемлемым для священника (*presbyter*), нежели для епископа. Примерно так у Сидония и разрешается вопрос соотношения аскетических и аристократических качеств. Он старается поставить приоритет одного не в ущерб другому.

Сидоний прекрасно знал, что его письма будут прочитаны не только адресатами. Поэтому есть все основания полагать, что созданный им в письмах образ стал элементом не только его индивидуального сознания, но и нашел отклик в сознании его читателей, т.е. зная, или даже отражал это сознание. Казус в Бурже – отличный тому пример: Сидоний, как новоявленный епископ, никогда бы не решился предложить кандидата, зная, что остальные члены коллегии епископов не одобрили бы его выбор.

Образ идеального епископа у Сидония нельзя назвать целостным, он сложен, порой противоречив, даже необычен и не всегда соответствует общим тенденциям для Галлии V в. (относительно епископов из числа монахов, коих было немало). Но, с другой стороны, этот образ четко отражает личность и мировоззрение своего создателя – человека «переходной» эпохи, в котором сочетались различные и порой трудно соотносимые культурные образцы, человека который надеялся, что в условиях кризиса деятельные аристократы объединятся и продолжат выполнять свои прежние функции. Многие же из них, подобно ему, окажутся уже в новой роли – епископов галльских городов. Случай Сидония очень любопытен и помогает нам взглянуть на процесс усиления роли епископата в позднеантичном обществе глазами самих его представителей.

EPISCOPUS BONUS: EPISTOLARY REPRESENTATION OF IMAGE AT SIDONIUS APOLLINARIS**E.M. MANUKYAN***Ivanovo State University**e-mail: manukyan_33@mail.ru*

This paper deals with the image of ideal bishop in the presentation of Sidonius Apollinaris (430-490), the Gallo-Roman aristocrat and bishop of fifth century. The investigation is based on his epistolary heritage. Special emphasis is placed on the correlation of aristocratic and ascetic qualities in the image. The author concludes that the transformation of a literary image of a bishop in Late Antiquity is a direct consequence of complex and multifaced process of episcopal strengthening and mutual integration of traditional Roman and Christian cultural paradigms.

Key words: Late Antique Gaul, Gallo-Roman aristocracy, Church, episcopate, monasticism, aristocratism & asceticism, Sidonius Apollinaris, epistolography, outlook, image of ideal bishop.

⁵³ Уивер Р. Х. Божественная Благодать и человеческое действие: исследование полупелагианских споров. М., 2006. С. 249-250.